

ЛИНГВИСТИКА

А.Г. Антипов

Кемеровский государственный университет

Синергетика языковой формы (к уточнению концепции «естественной фонологии»)

Лингвистика нового времени, оценивая свои перспективы, не скупится на эпитеты. «Теоретические потрясения» и «методологические мятежи» стали уже вполне обыденными в стихии рождаемых ныне концепций, творящих себя исключительно «на руинах» старой теории. И все же эти «руины» стремительного поиска нового продолжают оставаться все теми же точками отсчета создаваемых теорий. Эти «камни преткновения» новейших направлений продолжают вызывать бурю негодования. Однако новые и новые опровержения лишь добавляют им силы, возрождая и обновляя.

В этой массе опровергаемого есть одно направление, особенно переживающее сегодня граничащие с падением взлеты. Под натиском новой теории лингвистике Ф. де Соссюра нередко заменяют ни к чему не обязывающим выражением – «традиционная». Самого Соссюра упрекают в антиментализме и даже в бессистемности. Редукционизм подобных оценок очевиден, в той же мере, как и их несостоятельность. Тем более что весь контекст «опровержений» Соссюра нередко оборачиваются доказательством его же концепции. И здесь весьма распространенными оказывается несколько версий. Первая линия интерпретации исходит из критического отрицания всего того, что было сформулировано в структурализме. Новые теории этого толка обычно изменяют ракурс исследования (так, в генеративизме языковые структуры становятся «глубинными», а в когнитивной лингвистике – естественно «когнитивными»). Второй путь еще более кардинальный: полное опровержение интерпретационной ценности структуральных концепций и, соответственно, поиск новых, не-структурных концептов. Нередко этот поиск оказывается протестом не против структуры, а против системы и языка вообще (достаточно вспомнить, например, практически утвердившееся сегодня декларативное противоположение атропологического и системного подходов).

Есть еще один вариант. К критике Соссюра не обращаются всеу (она как бы имплицитно новизной предлагаемых гипотез), но многоголосие его идей просто пронизывает всю ткань новой теории, не опровергающей и не поддерживающей, а просто развивающей традиционные воззрения.

Таковы, на наш взгляд, современные синергетические исследования, затрагивающие один из новейших аспектов, на первый взгляд, фактически, неразработанной проблемы самоорганизации языковой формы. Однако «прогрессивные» тезисы этих работ убеждают в соссюрианских корнях подхода к изучению принципов функционирования и функционирования языковой системы.

В лингвосинергетике решение серьезных и актуальных задач всестороннего изучения языка в аспекте его динамических свойств призвано, во-первых, раскрыть инвариантный характер создания структуры языка, или созидающий потенциал его формы, и, во-вторых, показать конструктивные параметры формообразования и их функциональную релевантность. В результате целью синергетического подхода является в первую очередь освещение универсальных принципов порождения/развития структуры языка. В общих чертах эти принципы можно представить следующим образом.

1. Форма языка, редуцируемая до представления о его структуре, рассматривается как феномен самовыражения на том основании, что текст оценивается с позиций своих референтных связей с прообразом универсума. Естественность языковой формы – это базисная синергетическая категория, раскрывающая адекватность семиотического кода некоторым универсальным законам, созидающим форму самоорганизации. Выражение этой категории в знаке основывается на зонах референции, восприятие которых обеспечивает формообразующий потенциал системы, порождает форму естественности структуры знака в аспекте категоризируемого ею синергетического процесса.

2. «Записанное бытие» знака моделируется исходя из имманентных свойств его формы, пропорции которой с естественными категориями выявляют синергетическую специфику языковой формы в целом. Ее инферентные свойства определяют степень «встроенности» тенденций формообразования в общий процесс речепорождения.

3. Трактовка системы как динамического процесса предопределяет поиск тенденций формирования/развития знака, функционирования разнообразных измерений и категорий его формы, порождаемой синергетическим процессом гармонизации знаковой структуры.

В истории языкознания зарождение подобных синергетических тезисов связано с дискуссией о мере естественности звуковой формы языка.

Несомненно, звуковая форма относится к числу тех языковых объектов, различные аспекты которых давно привлекают внимание ученых. Но несомненно и то, что в современном языкознании, вопреки бурному развитию актуальных направлений функциональной фонетики и фонологии, все еще господствует теоретическое представление о произвольности «внешних» знаковых категорий, о конвенциональном характере фонетической мотивированности. Признание истинности подобных тезисов приводит к преумножению естественных функций означающих категорий языка, к выделению чисто формальных уровней семиозиса, не связанных с семантической организацией системы, и, следовательно, к узкому определению фонетики и фонологии знака как структурных моделей феномена означающего. Вместе с тем трактовка языкового знака в качестве системно мотивированной сущности обуславливает актуальность такого подхода к единицам плана выражения, который смог бы объяснить парадигматический характер звуковой формы, межуровневые принципы поверхностной организации знака и ее связь с типологией семантических отношений. Именно с данными вопросами современной фонетики и фонологии связано обоснование синергетического взгляда на феномен означающего как особого естественного уровня мотивированности структуры знака.

Согласно концепции мотивированности языкового знака, внешняя и внутренняя форма, выражение и содержание знака не произвольны по отношению друг к другу, как полагал Ф. де Соссюр, а обусловлены своим когнитивным предназначе-

нием – быть средством не только выражения, но и формирования мысли. В частности, функции звуковой формы знака доказывают «мыслеобразующую способность» членораздельного звука (В. фон Гумбольдт), существующего «лишь как форма мысли, нераздельно связанная с нею» (А.А. Потебня), и поэтому раскрывающего «влияние известных звуков на значение и, наоборот, влияние значения на качество звуков» (И.А. Бодуэн де Куртенэ). Этот факт не отрицался, впрочем, и Соссюром, осознававшим, что сохранение параллелизма между формой и содержанием – существенный, естественный закон развития языкового знака.

«Язык – форма и в силу своей знаковой природы, и как область членораздельности, – пишет Л.Г. Зубкова. – Знак уже в силу своей заместительной функции и вследствие своей зависимости от других знаков в системе немислим вне отношений как к внеязыковой действительности, так и в самом языке. Членение звуковой и мыслительной материи осуществляется только в их взаимосвязи. Членение языкового целого на элементы производно от связывающих их отношений: иерархических, парадигматических, синтагматических, эпидигматических» [Зубкова, 1999, с. 229].

Такая системно мотивированная модель звуковой формы особым образом презентуется в явлениях динамической фонологии, или морфонологии. По справедливому мнению Т.В. Булыгиной, объясняется это тем, что в структуре знака «между фонетическими либо семантическими свойствами, с одной стороны, и морфологическими свойствами – с другой, наблюдаются существенные корреляции» [Булыгина, 1977, с. 40]. Внимание к данным корреляциям позволило Н.С. Трубецкому в сформулированных им задачах морфонологии выразить представление о том, что «mutatis mutandis» «теории рядов звуковых изменений, выполняющих морфологическую функцию», раскрывается прежде всего в «специализации функций различных рядов чередований» [Трубецкой, 1967, с. 117, 118], что отграничивает морфонологию от явлений, синхронно немотивированных, лишенных «психологической реальности» [Трубецкой, 1987]. Если же не учитывать фактор мотивированности, то морфонология сразу получает диаметрально противоположное определение в качестве сферы чисто формальных, структурных изменений, не имеющих знакового, семантического статуса. Именно с этих позиций морфонологические характеристики не затрагивают семантические отношения между однокоренными словами [Тихонов, 1974, с. 25], раскрывают только синтагматический уровень «волнового синтеза» морфем [Русская грамматика, 1980, с. 123] и зависят всецело от поверхностного фономорфологического контекста [Касевич, 1986, с. 25-26]. Именно по этой причине «...морфонология отвлекается от содержательной стороны языка, от отношения звуковой стороны языка к плану содержания» [Чурганова, 1973, с. 34], морфонологический анализ утверждает особый уровень структуры слова, представляя «...языковые факты в более наглядном виде, не искаженном стремлением установить обязательный параллелизм в организации плана выражения и содержания» [Поливанова, 1976, с. 6], а морфонологические явления «сканируют» синтагматические параметры «незнаковых», семантически «пустых» уровней [Курилович, 1962, с. 82-83], объясняя степень повышенной отвлеченности (абстрактности) единиц морфонологического синтеза (ср. [Ворт, 1973; 1975; Поливанова, 1976; Булыгина, 1977]). Отсюда признание исключительно структурной (формальной) функциональной нагруженности морфонологических явлений, участвующих в порождении типологических для системы языка фонемных структур грамматики.

Противоречия такой морфонологической теории очевидны: анализ структуры слова приводит к выделению не только «семантически пустых», «асемантических» единиц, но и целых языковых уровней и дисциплин, не соотносимых с ведущими типами языкового содержания. (Ср., например, высказывание И.С. Улуханова о

том, что единственным видом исследований по словообразованию, в котором можно обойтись без категорий словообразовательной семантики, является описание, посвященное «исключительно словообразовательной морфонологии» [Улуханов, 1977, с. 3].) Вспоминаются в связи с этим слова Г.О. Винокура, полагавшего, что выделение из состава слова звукового комплекса, «не обладающего каким-нибудь значением, представляющего собой пустое звукосочетание», – некорректно и даже неправильно [Винокур, 1946, с. 317]. Поэтому, хотя отрицание у единиц сегментного уровня организации слова (фонем, морфем, субморфов, интерфиксов и других «семантически пустых» единиц) непосредственной соотносительности с планом содержания не лишено оснований в силу их конструктивной роли в организации слова, все же «...с внутренней стороны слово представляет собой определенный тип связи морфем, выступающих в качестве элементов содержания» [Зубкова, 1989, с. 69], и «...в слове обнаруживается членение означаемого, параллельное членению означающего, т.е. такое, что каждому элементу означаемого или определенным совокупностям элементов соответствует определенный элемент или некоторая совокупность элементов означающего» [Булыгина, 1977, с. 34]. В морфеме как конституенте лингвистического уровня [Кубрякова, 1974, с. 29; Булыгина, 1977, с. 35-36] соблюдается параметр означающего: «единственное условие для признания некоторой формальной сущности самостоятельным означающим» – «специфическая ковариантность с противоположным планом, т.е. регулярное (повторяющееся и в других сочетаниях) соотношение с определенным означаемым» [Булыгина, 1977, с. 39], которое «...зависит от связывающих знаки семантических отношений» [Зубкова, 1993, с. 22]. Следовательно, «...морфонология является ... областью существования явлений знакового, двустороннего характера, и ... анализ морфонологических альтернатив оказывается нередко ключом к грамматике глубинной, грамматике скрытой и всегда – к пониманию сетки грамматических противопоставлений в изучаемом языке» [Кубрякова, Панкрац, 1983, с. 17] (см. также [Бернштейн, 1974, с. 7]).

«Примат «смысла» или «функции»» в анализе морфонологических характеристик составляет теоретическую основу так называемой «двусторонней» морфонологии [Толстая, 1998, с. 36-37], изучающей, как сказал бы Ф. де Соссюр, «параллелизм между двумя рядами различий» – формой и содержанием знака.

Идея о том, что «...разные фонологические последовательности всегда заставляют предположить, что за ними лежат различия в передаваемом ими содержании» [Кубрякова, Панкрац, 1983, с. 21], впервые была выдвинута и показана в морфонологическом аспекте И.А. Бодуэном де Куртенэ. Его учение о «связанности» альтернатив с определенными «психическими различиями», «с представлениями определенных психических нюансов (оттенков)» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, т. 1, с. 281] позволило построить модель функциональной фонологии. Содержащееся в ней представление о «психофонетических альтернантах» (или «коррелятивах») впервые обосновало «...такое альтернативное отношение фонем, при котором с фонетическим различием бывает связано (ассоциируется) какое-нибудь психическое различие форм и слов, т.е. какое-нибудь морфологическое или семасиологическое различие» [Там же, с. 301]. «Психическое влияние», которое испытывают данные разновидности альтернатив, устанавливает их функциональную значимость в системе выражения грамматических категорий. Ср.: «Как суффиксы, префиксы и т.п., так же и коррелятивы служат для разграничения морфологических категорий» [Там же]; «Как известно, определенный суффикс, или подчиненная морфема (суффикс, префикс), сообщает слову оттенок грубости, абстрактности и т.д. Подобные оттенки сообщаются слову также посредством определенного коррелятивного отношения морфем» [Там же, с. 302]. Таким образом: «Психические ассоциации, на которые опирается сохранение традиционных альтернатив,

находятся в непрерывной коллизии со стремлением к устранению фонетических различий, не оправданных ни индивидуальными антропофоническими тенденциями, ни индивидуальными психическими потребностями» [Там же, с. 313]. «Вследствие этого появляется тенденция к устранению внешних различий, к униформизации внешнего вида морфем, в которых ощущается психическое единство, или имеет место использование фонетических различий в психических целях, то есть наступает такое состояние, когда фонетическое расщепление ассоциируется с психическим расщеплением» [Там же, с. 325]. И такая «обусловленность языкового состояния» определяет важнейший «повод к языковым изменениям» – свойственную «нервному центру», «мозгу в отношении языка» «способность осуществления симметрии, гармонии между содержанием и формой» [Там же, с. 226], «необходимую предпосылку к устойчивому состоянию динамического равновесия» [Журавлев, 1986, с. 176].

Как полагал Н.В. Крушевский, «... язык стремится к совершенно всеобщему и частному соответствию мира слов миру понятий» [Крушевский, 1998, с. 213], и «... сочетание явлений физиолого-акустических, управляемых законами физическими, с явлениями бессознательно-психическими, которые управляются законами совершенно другого порядка» [Там же, с. 73], обуславливает в фонетике языка различные факторы ее эволюции, в соответствии с которыми «... звук часто бывает продуктом процессов весьма продолжительных, разнообразных и многочисленных» [Там же, с. 74], а «... фонетические изменения дают толчок новому распределению звуков между морфологическими единицами слова, ... вызывают морфологический процесс...» [Там же, с. 166] или подтверждают положение о том, что «каждое понятие и каждый оттенок понятия имеют свое внешнее выражение» [Там же].

Синергетический (динамический, производимый) характер звуковой формы свидетельствует о том, что «... поистине в языке следует видеть не какой-то материал, который можно обозреть в его совокупности или передать часть за частью, а вечно порождающий себя организм, в котором законы порождения остаются совершенно произвольными» [Гумбольдт, 1984, с. 78], ведь «громдадное большинство форм возникает в нашей психике благодаря не только простому воспроизведению усвоенного, но вместе с тем путем производства, творчества, путем решения своеобразной пропорции» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, т. 2, с. 281], создающей «живой росток бесконечной определмости» [Гумбольдт, 1984, с. 82] в языке как «созидающем процессе» и «деятельности» [Там же, с. 69, 70].

В морфонологии, как это обосновано И.А. Бодуэном де Куртенэ, функционность морфемы связана с колебаниями морфологической делимости, сопровождаемой различиями в морфологизации и семасиологизации фонетических представлений и обусловленной актуальностью «разных степеней выразительности морфологических узлов слова» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, т. 2, с. 232], параллелизма (или его отсутствия) между формой и функцией [Там же, с. 184-185, 234]. Данные функциональные направления «двусторонней» морфонологии позволяют «... связать определенными правилами глубинную и поверхностную структуру и избежать искусственного членения таких форм, морфемные границы которых не вполне ясны» [Кубрякова, Панкрац, 1983, с. 29]. И поскольку: «Функциональные отношения, а не внешнее сходство – вот на каком основании строится в языке целостность единиц» [Панов, 1999, с. 36] – «... морфонологические чередования имеют грамматическое значение» [Там же, с. 39], а «внутренний смысл каждого морфонологического явления» не может не «... сигнализировать о некотором тонком, иногда трудно уловимом, но от этого не менее реальном сдвиге в значении у одной формы сравнительно с другой, сдвиге, недостаточном, чтобы разрушить тождество морфемы, но необходимом, чтобы показать разное в едином» [Кубрякова,

Панкрац, 1983, с. 21].

Таким образом, стремление «наделить» звуковое варьирование функцией/значением, «определить» «функциональную нагруженность» и семиотический статус «значащих» единиц морфонологии, преодолевающих пределы структурной (в аспекте языковой формы) значимости, обосновано релевантностью той информации, с которой ассоциируются морфонологические явления (информация о соседних морфах, морфемах и тем самым об их значении) [Макаев, Кубрякова, 1969], неизбежно соотносится с внутренней формой термина «значащие» – «семантически значимые» [Земская, 1975]. При этом «грамматичность» морфонологии состоит прежде всего в том, что «любые явления грамматики (словоизменения и словообразования), если они оказываются морфонологически релевантными, т.е. обнаруживают зависимость от формальной (фонологической) структуры морфем или используют модификации морфем для грамматических целей» [Толстая, 1998, с. 29], могут обладать разными возможностями в организации знака. Поэтому в самом характере обусловленности явлений морфонологии заложены их знаковые функции: «По своей природе морфонологические явления принадлежат к такому классу явлений, у которых различия в плане выражения сигнализируют о наличии различий и в плане содержания... При этом, конечно, важна не абсолютная степень формального различия сравниваемых единиц, но самое его наличие, не объясняемое с точки зрения фонологических норм современного языка, но зато связанное в конечном счете с теми или иными содержательными и системными противопоставлениями» [Кубрякова, Панкрац, 1983, с. 16]. Соответственно «...преобразования незначащие, лишенные функциональной нагрузки, следует исключать из числа морфонологических», поскольку «...фонологические различия могут использоваться в целях непосредственного смысловоразличения..., но могут служить и для иного: различия добавочного, дополнительного, грамматического» [Там же, с. 17].

Морфонологические явления, как это показано Р.О. Якобсоном [1983], принадлежат системе индексальных характеристик языкового знака, важных для познания его мотивированности: «Частичному изменению фонологического состава сравниваемых форм соответствует такое же частичное несходство их общей функциональной нагрузки. Описать эту характеристику – значит установить тип наблюдающегося преобразования в фонологических терминах и соотнести его с типом наблюдающегося функционального и/или семантического сдвига в одной форме по сравнению с другой» [Кубрякова, Панкрац, 1983, с. 17], т.к., «...во-первых, информация о форме есть чаще всего и информация о содержании; во-вторых, фонологическая последовательность является значащей, когда постановка на ее место другой фонологической последовательности соответствует другому содержанию; в-третьих, обычно такие различия регламентированы системой языка» [Там же, с. 21].

Исследование индексальной знаковой природы морфонологических явлений призвано обнаружить диаграммные связи звуковой формы с релевантным содержанием (ср., в частности, концепцию «диаграмматического иконизма» [Мигачев, Панкрац, 1992]). Подобные перспективы «двусторонней» морфонологии связываются в языкознании XX-XXI вв. с еще одной линией интерпретации – когнитивной теорией означающего, связанной через выявление синергетических тенденций фонологии с доказательством естественности процессов категоризации языковой формы.

В когнитивной лингвистике диалектика звука и смысла предстает как проблема категоризации семиотических свойств в системной когнитивной модели знака. Отсюда два основных измерения феномена означающего. С одной стороны, «феномен означающего» – это особая психическая категория, связанная со всеми ас-

пектами языкового содержания, задаваемыми корреляциями фонетической семантики с лексическими и грамматическими значениями. В этом смысле определяются границы когнитивной категории звуковой формы, имеющей в языке свои прототипические структуры. С другой стороны, «феномен означающего» – это особая категория семиотики, структура и форма которой располагает преимуществами по сравнению с другими уровнями семиозиса, т.к. внутренняя форма единиц данной категории представляет собой максимально приближенную к природным феноменам символическую структуру, через которую осуществляется процесс семасиологизации звуковых представлений. В процессе категоризации важен весь объем отражательных и знаковых свойств системы языка, а сам характер совмещенной субстанциональности подчинен в знаке естественным прототипам, интерпретируемым логикой смысла, свойственной звуковой форме. Особый интерес представляют собой отдельные ономаσιологические модели означающего, учитывающие образ референта. В них, по сути дела, раскрывается процесс интеграции ментальных пространств (блендинга), выражающийся за счет инференции (выводимости содержательных характеристик знака). При этом не только комбинаторика морфологических единиц, но и вариативность их звуковой формы обусловлены существованием семантической иерархии: в процессе гипостазирования внутренней формы знака порождение новых блендов зависит от осознаваемой в синергетических актах фонетической мотивированности.

В частности, версии комплексного описания словообразовательной системы вскрывают глубинный механизм порождения «отсутствующих структур» – приближение знаковых планов, раскрывающее эволюционное накопление и порождение новых квантов языкового содержания, т.е. качественные сдвиги в структуре означающего, с опорой на которые могут быть выделены и описаны ведущие закономерности функционирования звуковой формы в особом акте семиозиса – номинативной деривации.

Ономаσιологические аспекты анализа звуковой формы производного слова: категоризация мира и ее отражение основными уровнями мотивированности дериватов – связаны с трактовкой естественного отношения звуковой формы к передаче производными тех или иных смыслов, свидетельствующих о роли плана выражения в иерархической структуре знака. Такой семиотический подход к феномену означающего предопределяет понимание звуковой формы в качестве особого уровня порождения/развития мотивационных отношений. Его динамика создает содержательные зоны во внутренней структуре и внутренней форме производного слова. На теоретических положениях семиотического подхода базируется и описание тех динамических тенденций, которые, осуществляя моделирование звуковой формы, показывают, что в актах семиозиса задумываемое содержание может получить поддержку со стороны означающего как дополнительного источника мотивированности знака. В частности, рассмотрение когнитивных функций словообразовательной морфонологии на примере алломорфии мотивирующей основы и суффиксального форманта [Антипов, 1997; 2001а; 2001б] показывает, что основные тенденции словообразовательной морфонологии связаны с уточнением правил семантической категоризации. Именно в процессе номинативной деривации звуковая форма выполняет свои мотивационные функции, (1) выявляя внутренние и внешние факторы мотивированности производного знака; (2) определяя статусы фонетических и фонологических характеристик производного слова в иерархии межуровневых связей словообразования с лексикой и грамматикой; (3) выражая этапы синхронной производности слова; (4) организуя процесс стратификации семантики в морфологической структуре производного слова.

Так, морфонологическая маркированность основы мотивирующего слова связана с репрезентацией деривационных историй, причем различные альтернати-

онные типы чередований специализируются на передачи определенных аспектов мотивирующей семантики.

1. Неконечные основные чередования, обладают особым деривационным потенциалом. Морфонологическая структура дериватов, содержащих подобные изменения, отмечает значительные семиотические расхождения ступеней алломорфного варьирования, поскольку оказывается связанной с заменой (*автогѣн – автогѣн-щик*), добавлением (*квашня – квашѣн-ка*) или сокращением (*песѣк – песк-ѣн*) вокалических альтернантов, занимающих, как правило, сигнификативно сильные позиции в фонологической структуризации знака. Необходимая для отождествления словообразовательной формы мотивационная информативность отсылочной части деривата предполагает сохранение дифференциальных признаков репрезентации звуковой формы мотивирующего слова, но вместе с тем характеризуется увеличением числа возможных мотивационных решений, предопределенных порождением внутрислововыми альтернативными неоднозначности семантических репрезентаций и, в частности, их провоцирующим воздействием на развитие омонимии словообразовательных структур – особенно в случае вокалических альтернатив. Отсюда нерегулярный характер замены вокалических альтернантов, размывающих четкость словообразовательных отношений еще и потому, что альтернативные ряды не обладают четкой функциональной нагруженностью (и структурной, и семантической): их участие в передаче определенных компонентов значений сводится лишь к случайным ассоциациям со звуковой формой омонимичных структур, а синтагматическая значимость не является обязательной (ср.: *автогѣн – автогѣн-щик, автогѣн-щик; берѣза – берѣз-ник, берѣз-ник*). Непродуктивность альтернативных рядов $\langle o \sim e \rangle$ и $\langle e \sim o \rangle$ объясняется особыми семиотическими возможностями подобного алломорфного варьирования корня, способного выступать в качестве «лексической флексии», однако не выявляющего свойств «внутренней флексии». Поэтому лексикализация чередований гласных фонем определяет по сравнению с консонантными чередованиями периферию морфонологического варьирования. Вокалические чередования явно уступают в характере своей реализации регулярным морфонологическим процессам. В случае осложнения структуры субстантивов вокалическим и консонантным альтернированием при непоследовательности функционирования чередований гласных отмечаются регулярные альтернативы согласных – ср.: *черѣмуха – черѣмуш-ник, черѣмуш-ник; лѣгкие – лѣгоч-ник, лѣгоч-ник*.

2. Регулярность альтернатив гласных с морфонологическим нулем основывается прежде всего на их синтагматической значимости. Добавление или сокращение вокалического альтернанта обусловлены спецификой фонологической структуризации производящей основы и суффикса, направляющей синтагматическое функционирование компонентов словообразовательной формы в регулярных реализациях морфонологических правил.

Консонантная закрытость производящих основ с «удвоенными» согласными при присоединении аффиксов с консонантным зачином раскрывается благодаря актуализации вокалической ступени чередований, предотвращающей «утроение» консонантной огласовки финали основы (ср.: *ведрѣ – ведѣр-ница, грѣбли – грѣбель-ник, тюремѣ – тюрем-щик*). При этом, как правило, альтернативные ряды, имеющие направление $\langle \# \sim V \rangle$, отражают алломорфное варьирование аффиксов, необходимое для маркировки предыдущих ступеней деривации в словообразовательной цепи, морфонологическая прогрессия которой сохраняет изменения предыдущих этапов словообразования, внося фонологические коррективы соответствующей ступени деривации. В результате отмечается противопоставление ступеней словообразования в морфонологическом аспекте. Если производящие основы дериватов первой ступени маркированы ведущими типами конечных альтерна-

ций, то дериваты второй ступени отмечают в составе своих основ модификации <#~V> аффиксальной части первой ступени словообразования в случае присоединения на второй ступени деривации суффиксов с инициальным согласным (ср.: *кв́ас(ить)* → (1) *кваш-н(я)* → (2) *квашен-ник, кваши́ен-ница, кваши́ен-ка*).

Элиминация вокалического альтернанта в морфонологической структуре производящей основы связана с присоединением аффиксов с инициальными гласными. Основы, имеющие фонологическую структуру «прерванной восходящей звучности» (*[CVС...]*), изменяют огласовку своих фонологических финалей в соответствии с суперсегментными условиями редукции – акцентологическим сдвигом с основы на аффикс (ср.: *песóк – песк-áрь, рб́жь – рж-úще, хребéт – хребт-úна*). Однако ведущим условием морфонологической вариантности выступает все же фонологическая структуризация аффиксальной части деривата. Вокалические зачины суффиксальных формантов регулярно сохраняют консонантную сложность исходов производящих основ (ср.: *копн́а – копн-áрь, ведрó – ведр-енник, пёсна – песн-яры, черемш́а – черемш-áнник*), и, напротив, консонантные зачины аффиксов оставляют без изменения «прерванную восходящую звучность» производящих основ (ср.: *песóк – песóч-ник, хребéт – хребéт-ник*).

Оба направления альтернаций гласных с морфонологическим нулем связаны также с предотвращением омонимии словообразовательных структур, что утверждает семиотическую релевантность данных типов морфонологической вариантности производящих основ. Так, словообразовательный анализ лексемы *черемóш-ник* во многом основывается на интерпретации фонематических изменений производящей основы данного деривата, поскольку именно специфика морфонологии основы позволяет преодолеть омонимию мотивационных связей деривата с лексемами *черёмуха* и *черемш́а*. Непродуктивность словообразовательной пары *черёмуха → *черемóш-ник* обусловлена сомнительностью вокалического чередования **черёмуха – черемóш-ник* в различном позиционном распределении альтернантов. Поэтому направление чередования <#~V> задает в этом случае идентификацию словообразовательной формы деривата: *черемш́а* → *черемóш-ник*. Кроме того, характер морфонологической вариантности уточняет мотивационное содержание производного знака, определяя выбор непосредственного мотивирующего исхода из фонологической типологии репрезентации в производящей основе ступеней деривации. В частности, отсубстантивная природа дериватов *квашенник, кваши́енница* подтверждается морфонологическими характеристиками производящих основ. Представляя собой примеры последовательного обозначения в морфонологической структуре производной лексемы этапов деривационно отмеченных историй, данные дериваты характеризуются мотивационной четкостью своего семиотического исполнения: *кв́ас(ить)* → (1) *кваш-н(я)* → (2) *кваш́ен-ник, кваши́ен-ница* ‘полотенце, которым накрывают квашню’. Даже в случае синкретизма этапов порождения производных знаков в звуковой форме однокоренных мотиваторов (*копн(á)* (1), *копн(úть)* (2) → *копённый* ‘заготовщик сена’) выбор мотивирующего суждения ограничивается морфонологическими показателями структуры производящих основ. Поэтому направление чередования <#~V> манифестирует субстантивную основу деривата *копённый* исходя из типологических параметров морфонологической структуры компонентов словообразовательной формы («утроенной» консонантной огласовки единиц «волнового синтеза»: *{[копн](щик)}*). Девербативная же мотивация реализуется морфонологией основ «классической восходящей звучности» (*[CVСV]*) в дериватах *копн́и-льщик, копн́и-тель*, репрезентирующих в морфонологической структуре последовательность этапов деривационно отмеченных концептуальных решений (ср.: *копн(á)* → (1) *копн́и(ть)* → (2) *копн́и-льщик, копн́и-тель*). В принципе, критерий «восходящей звучности» правомерен и для общей морфонологической структуры производящего слова. Зачастую

именно фонологические репрезентации производящего слова как системы словоформ, порождаемой парадигматикой словоизменяемых морфем, выполняют ведущие сигнификативные функции в направлениях идентификации словообразовательной формы. Так, многомерность отсубстантивных мотиваций лексемы *ржіще* 'поле, засеянное рожью', вероятно, элиминируется морфонологией словоизменяемой парадигмы производящей лексемы *рожь*, повторяемой в закономерностях синтеза основ «прерванной восходящей звучности» и словоизменяемых/словообразовательных аффиксов с инициальными гласными. И, напротив, вокалическая открытость лексем и основ типа *рожа*, *рожа(ть)*, *ржа(ть)* продуцируют агглютинативную четкость функционирования звуковой формы отсылочной части дериватов *рож-ища* (экспр.), *рож-энища*, *ржа-чка* (экспр.). Закономерна в этом отношении тенденция дополнительной семантической «поляризации» морфонологической вариантности производящих основ, структурная логика порождения алломорфов которых сигнификативно противопоставлена на уровне лексических репрезентаций в соответствии с ведущими лексико-словообразовательными параметрами отождествления внутренней формы дериватов, частичное семиотическое тождество которых порождает противопоставление единиц экспонентной структуры знака в целом (ср.: *ведрѠ* – *ведѠр-нища* 'корова' и *ведрѠ* – *вѠдр-еник* 'шкафчик, полка для ведер').

3. Конечные основные чередования представлены рядами регулярных/нерегулярных консонантных альтернатив и нерегулярных чередований с усечениями.

3.1. Характер функционирования сближает консонантные альтернативы с некоррелятивами (фонетическими чередованиями). Та регулярность, с которой актуализуются типы консонантных чередований в морфонологически релевантных позициях, предопределяет их семиотическую нагруженность при порождении словообразовательной формы. Регулярные консонантные альтернативы, как правило, направлены на оформление морфемных швов, обладающих мотивационной четкостью – указывающих на контекст синхронной производимости лексемы. Поэтому представление вариативности компонентов экспонентной структуры производного знака осуществляется с опорой на продуктивные звуковые репрезентации, реконструирующие звуковую форму исходной единицы. Отсюда опора на традиционные альтернативы как наиболее очевидные случаи предсказуемого «волнового синтеза» морфем, «морфофонемика» которых объясняется тенденциями «морфотактики», т.е. правилами, ограничивающими сочетаемость деривационных морфем определенной фонологической структуры. Морфонологическая маркированность дериватов в этом случае отражает тенденцию адекватной фонологической репрезентации структуры мотивирующего знака, испытывающего минимальное воздействие со стороны тенденций формальной и семантической фузии.

В аспекте категоризации, ассоциируемой со звуковой формой основы мотивирующего слова, консонантные чередования характеризуют мотивационно четкие дериватемы, связываясь с восприятием внутренней формы производных знаков. По сравнению с агглютинативными структурами аналогичных ступеней словообразования дериваты, маркированные ведущими типами консонантных альтернатив, характеризуются снижением степени семантической неоднозначности (основной круг однозначных дериватов концентрируется именно в границах этого рода морфонологических структур). Оформление достаточно жестких семантических рамок лексемы обеспечивается нейтрализацией структурных видов словообразовательной мотивации. Семантический параллелизм актуализации непосредственных и опосредованных мотиваций определяет в формальной плеонастичности деривата необходимую для концептуальной компенсации фузии минимальную «перегрузку» семиотического кода, направленную на повторы значений мотивационных фрагментов отсылочной части (ср.: *клубнік(а)*, *клубніч-н(ый)* → *клубнічн-*

ик ‘клубничный пирог’, *клубни́ч-ник* ‘пирог из клубники’). Смысловая нейтрализация этапов деривационных историй детерминирует четкость морфонологического выражения асимметрии экспонентной структуры деривата: алломорфия словообразовательной формы отражает динамику замещения в звуковой форме семантических различий однокоренных дериватов, мотивационная соотнесенность которых представляет собой ретроспекцию этапов семиозиса в вариантах звуковой формы элементов словообразовательной структуры.

Функционирование консонантных чередований в структуре дериватов, соотносительных с субстантивными и адъективными основами одной словообразовательной цепи, приводит к выдвиганию морфонологических репрезентаций в качестве ведущей стратегии отождествления деривационных историй, что предопределяет трактовку морфонологических структур подобного типа в аспекте того мотивационного содержания, которое маркируют альтернации, сужая круг возможных словообразовательно отмеченных концептуальных решений. Выступая в качестве поверхностных ограничений интерпретации мотивационного кода дериватемы, консонантные чередования подчеркивают грамматическую семантику деривационной базы полимотивированных лексем, сопровождая тем самым процесс синхронной переинтеграции словообразовательных структур. Как это особенно очевидно в случаях доминирующего статуса отсубстантивных мотиваций дериватов, оформление морфемных швов субстантивов, морфонологическая структура которых поддерживает сигнификативно сильные позиции семантики имени существительного, деактуализует функции промежуточной ступени словообразования – синтаксических дериватов: категориальные признаки отсубстантивных прилагательных значимы лишь в сфере импликационала лексического значения, необходимого для констатации отношений чересступенчатой деривации. Именно морфонологические изменения производящей основы имени существительного обуславливают актуальность отсубстантивных кодериватов в структуре полимотивированных лексем. Отсюда увеличение информационного объема лексем типа *клубни́ч-ник* по сравнению с дериватами типа *казачо́к*, экспонентная структура которых не содержит указание на возможности вариативности внутренней формы. Наличие же в звуковой форме дериватов дополнительной сегментации их семантической структуры способствует адекватному выражению деривационной истории. Снижение идиоматичности лексем типа *клубни́чник* обусловлено максимальной репрезентацией мотивационного содержания в словообразовательной форме, порожаемой сужением традиционной для отсубстантивов сферы импликации релятивного компонента, который, несмотря на свое соотношение с импликационалом лексического значения деривата, имеет «скрытое» функционирование в экспонентной структуре деривата в виде готового к актуализации своих функций оператора ономазиологической связки – суффикса отсубстантивного прилагательного. Таким образом, экспонентная репрезентация деривационных свойств полимотивированных лексем, имеющих двойную отсубстантивную соотнесенность, порождается увеличением функциональной нагруженности правил морфонологического словообразования, в соответствии с которыми выражение концептуального объема структур ономазиологического базиса и признака обеспечивается тенденциями морфонологического изменения показателя ядерной отсубстантивной мотивации (*{клубни́ч}-{ник}*: ‘{нечто} ... {нечто}’), а направления семантической эволюции детерминируются «скрытым» выражением релятивного компонента ономазиологической структуры – периферийной отсубстантивной мотивации (*{клубни́ч}-{<н>ик}*: ‘{нечто} <относиться> {нечто}’). Функциональная конкретизация релятивного компонента, обусловленная контекстными семиотическими связями мотивирующего и мотивированного слов, репрезентируются, следовательно, не только экспонентами бинарной структуры дериватов (производящей основой и формантом), но

и актуальными морфонологическими показателями полимотивированности лексем, динамических статус которых, состоящий в синхронной вариативности (подвижности, неустойчивости) позиционного функционирования звуковой формы, отражает процесс становления единиц комплексной структуризации – границ «волнового синтеза». Именно их динамическая роль в структуре словообразовательной формы маркируется консонантными альтернативами, а через них определяются и тенденции «расширения» словообразовательной системы – семантическая «поляризация» морфонологических маркеров внутритиповых таксономий.

В целом, при консонантных чередованиях происходит своего рода накопление информативности о семантической валентности основ и формантов. Поэтому поляризация однокоренных синонимов, идущая по линии семиотического тождества в границах морфонологической вариантности и лексической паронимии, обосновывает семантические функции основных морфонологических характеристик: 1) видов регулярных альтернатив, 2) регулярных и нерегулярных альтернатив, 3) видов нерегулярных альтернатив, 4) нерегулярных альтернатив и агглютинативных структур. Данные морфонологические особенности семантической категоризации дериватов обретают свое мотивационное содержание, соотносимое с парадигматикой алломорфии мотивирующей основы (1-4) как отправного этапа системной динамики звуковой формы, раскрываемой на более высоких ступенях мотивационной абстракции – от «поляризации» синонимов и деривации полисемантов (2-4) до развития паронимии (3-4) и омонимии (4) словообразовательных структур.

3.2. Элиминация экспонентной структуры мотивирующего знака преодолевает противоречия выражения мотивационных отношений: морфонологическая модель усечения устраняет «лишние», незначимые компоненты словообразовательной формы, затрудняющие правила синтеза. В этом случае элиминируемые компоненты служат средством синтагматической коррекции морфонологической структуры производных слов. Преодолевая формальную непоследовательность дериватов, чередования с усечениями оформляют мотивационно корректные (а нередко и «прозрачные») словообразовательные пары в избранном направлении номинативной деривации. Альтернативная мотивированность в этом случае не может не отражать семантические причины устранения «нежелательных» сегментов в словообразовательной структуре, поскольку предотвращение формальной избыточности обобщает единицы инвентаря морфем или элементы субморфемного статуса. Усечение трансформирует задачи словообразовательного синтеза, изначально противопоставляя его результаты моделям порождения основ полной фономорфологической огласовки. Если полноструктурные основы содержат, как правило, комплекс морфонологических операций, повышая степень абстракции словообразовательного анализа, то «усеченные» основы маркируют границы наибольшей семиотической значимости, отражая в зоне усечения усиление сигнификативных свойств сегментации означаемого. Например, усиление знаковой сегментации звуковой формы проявляется в «оживлении» структуры непрямых мотивирующих основ, приобретающих благодаря усечению свойство членности (ср.: *картóф/ель* – *картóв-ник*, *картóв-ница*, *морк/óвь* – *морк-óль*, *подóш/ва* – *подóш-ник*). Морфонологическая членность нередко приводит к актуализации прежних мотивационных связей лексем и новой семантической эволюции знаков в моделях ремотивации, приводящих к независимому функционированию алломорфов усеченных основ в качестве продуктивных мотивов (ср.: *литóв/ка* – *литóв-ище*).

Системные лексико-словообразовательные отношения маркеров этой разновидности морфонологических процессов строятся с опорой на возможное восстановление в структуре деривата элиминируемой морфемы или субморфа (ср.:

шаи/ка – *шаи-íst* // *шаиеч-ник*). Поэтому усечение представляет собой комплексный морфонологический прием, лишенный фонологического автоматизма консонантных альтернатив, но наделенный четкой симметризирующей стратегией поляризации алломорфии основ в моделях свободной дистрибуции. Тот же факт, что усечение связывается с устранением нежелательных фонологических экспонентов внутренней формы дериватов под влиянием продуктивных аффиксов, заставляет признать фактор морфонологического оператора (деривационного форманта) в качестве ведущего параметра идентификации словообразовательной формы. Элиминируется не произвольный фрагмент фонологической структуры деривата, а тот элемент словообразовательной формы, который затрудняет восприятие нового обозначающего компонента словообразовательной структуры. Вследствие перераспределения в морфемно-словообразовательной структуре дериватов фонология элиминированных основ прогнозируемо восстанавливается, неизменно развивая ассоциативное поле лексемы (ср.: *скрип/ка* // *скрип/еть* – *скрип-áč*, *ссыл/ка* // *ссыл/ать* – *ссыл-ник*). Под влиянием алломорфного варьирования происходит семантическое перераспределение компонентов означающего в свете мотивационных ассоциаций иных факторов словообразовательной динамики (ср.: *горшеч-(н)ик* ‘тот, кто изготавливает горшки // горшечных дел мастер’, *горш(к)-об/ник* ‘тряпка, которой подхватывают горшки’).

Таким образом, стремление словообразовательной формы к семантической категоризации актуально во всех случаях усложнения структуры дериватов, маркированных морфонологически. Словообразовательная морфонология оказывает влияние на нюансы семантических интерпретаций, обосновывая мотивационные функции означающего.

Описание данных функций морфонологии предопределяет анализ взаимной обусловленности альтернатив в свете категории внутренней формы производного слова, а также других инферентных характеристик знаков этого рода, доказывающих, что морфонология представляет собой иерархически направленный процесс категоризации, проявляющий через асимметричные и симметричные тенденции развития звуковой формы синергетический характер русской деривационной системы.

Литература

Антипов А.Г. Словообразовательная морфонология русских говоров (структурно-системный и когнитивный аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1997.

Антипов А.Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских говоров). Томск, 2001.

Антипов А.Г. Словообразование и фонология: словообразовательная мотивированность звуковой формы. Томск, 2001.

Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М., 1963.

Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.

Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Известия АН СССР ОЛЯ. 1946. Т. 5. Вып. 4.

Ворт Д.С. Морфонология славянского словообразования // *American contributions to the 7th International Congress of Slavists*. Hague-Paris, 1973. Vol. 1.

Ворт Д.С. О роли абстрактных единиц в русской морфонологии // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Журавлев В.К. Диахроническая фонология. М., 1986.
- Земская Е.А. К проблеме множественности морфонологических интерпретаций слова (спорные случаи членения производных слов в современном русском языке) // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.
- Зубкова Л.Г. Акцентуация слова как единство внутренней и внешней формы // Межуровневые связи в системе языка. М., 1989.
- Зубкова Л.Г. Симметрия и асимметрия языковых знаков // Проблемы фонетики I. М., 1993.
- Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. М., 1999.
- Касевич В.Б. Морфонология. Л., 1986.
- Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию. М., 1998.
- Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа (на материале романских языков). М., 1974.
- Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Морфонология в описании языков. М., 1983.
- Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. О статусе морфонологии и единицах ее описания // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
- Мигачев В.А., Панкрац Ю.Г. Об одной морфонологической концепции («естественная фонология») // Теория грамматики. Морфология и словообразование. М., 1992.
- Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Поливанова А.К. Морфонология русского субстантивного словообразования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
- Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993.
- Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Тихонов А.Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1974.
- Толстая С.М. Морфонология в структуре славянских языков. М., 1998.
- Трубецкой Н.С. Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
- Чурганова В.Г. Очерк русской морфонологии. М., 1973.
- Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983.